

ЛЕТОПИСЕЦ



АНДРЕЙ НИНОНОВ
Родился в 2002 году в городе Жуновском. Победитель
конкурса «Класс», студент
МГИМО.

С одной стороны неба уже показались звезды, с другой – еще совсем светло. Фонари не определились, к какой стороне примкнуть. Но, сомневаясь, зажглись. Пахло женой листвой: такой панельный Рене Магритт.

В апреле очень приятные вечера. Весь день шпарит в районе двадцати градусов тепла, испепеляя каждого, кто надел пальто. Вечером же холодный ветер забирается под то же пальто своими корявыми холодными пальцами, и ты понимаешь, что не такой дурак, как думал о себе с утра. Просто апрель хитрее.

Я закурил. На лавочке во дворе моей хрущевки сидел дед.

- Дай закурить.
- Тебе же нельзя!
- Ну одну...

Дед смотрел на меня настолько жалобными глазами, что мое сердце дрогнуло. Вдруг он сегодня последний день живет, а я ему в сиге откажу.

- На. Но! Пей таблетки, а то получишь по...
- Спасибо тебе, родной!

Я сел рядом. На детской площадке тусовалась кучка подростков. Лукьян Умирыч затыкался и смотрел на них сквозь свой фирменный прищур. Когда шайка собралась уходить, один из ребят кинул в урну бутылку колы. В урну он не попал, но решил не утруждаться и удалился восвояси.

Умирыч выдохнул дым тяжелее, чем до этого. Выставил вперед открытую ладонь и провел ей вверх. Бутылка, презрев законы гравитации, поднялась над землей и нырнула в мусорку. Я улыбнулся.

- Это еще ладно. Не со зла же. Вчера двое горку расхреначили, я всю ночь чинить пытался. А это же пластик, я ж с пластиком никогда...

Из моего подъезда показался второй старичок и, опираясь на тросточку, поковылял к нам. Умирыч заулыбался во весь свой беззубый рот.

- Етить, кто вылез! Умилыч, здарова!
- Здравова, Умирыч!

Деды трясли дряблые мышцы в своем старческом рукопожатии. Лукьян Умирыч и Иван Умилыч были нашими дворовым и домовым. Да, рядовые горожане видели в них просто дедов, неизвестно как переживших палеозой и дошедших до наших дней в относительно нормальном, хотя и бэушном состоянии. На самом деле эти двое живут здесь со времен, кажись, вятичей – до сих пор путаюсь в славянских племенах. Во всяком случае, в тех кипах бересты и прочей лабуды, переданных мне предыдущим летописцем, эти двое были чуть ли не самыми ранними персонажами.

- Ладно, мужики, вы тут сюсюкайтесь, а мне надо до Варвары Ярославны добежать.
- Постой покамест! – Умилыч всматривался в мои глаза, пытаясь найти ответ на свой вопрос без слов. Говорить ему тяжело – годы.

- Я телепатически молчал.
- Сегодня будет?
 - Будет.
 - Ну беги, летописец.

* * *

Почему-то я вижу их с детства. Когда в июльский душный полдень на городском пляже я облил какого-то мужичка, лежавшего на песке, водой из бутылки, мать меня отругала:

- Ты совсем, что ли! Даже с этими так нельзя!

Кто эти и как так – я сперва не всек. Понял только, что есть какие-то «эти» в нашем городе. Сам же дядечка мне подмигнул, поманил пальцем и сказал:

- Пацан, я водяной. Иссыхаю... Бутылочка, конечно, хорошо, но вот если бы ты дотащил меня до озера, был бы благодарен.

Видели бы вы глаза матери, когда я, подающий надежды юный художник, взял водяного за мозолистые ладони с нестриженными когтями и, тужась, потащил к воде. Как только божь коснулся воды, выражение его лица с алкогольно-опьяненного сменилось на выражение победившей веры в человечество.

Водяной плюхнулся в воду, я сполоснул в ней грязные руки. Мама в ступоре смотрела, как мужичок проскрипел:

- Да, малец, ты однозначно не так прост, как кажешься. Еще встретимся.

И поплыл.

Про следующие встречи с «этими» говорить маме я не стал, опасаясь трехчасовых лекций о вреде божьей. Я не понимал ее отвращения. Все равно ведь человек, даже если грязный и пьяный. И бездомный.

Другие «эти» на водяного не походили. Но обычно выглядели как раз как те социальные элементы, с которыми бы вы меньше всего хотели контактировать в повседневной жизни.

Примерно из-за этого и случилась моя вторая встреча с ними. Я возвращался на автобусе поздним декабрьским вечером (хотя, конечно, зимой в какое время вечера ни ткни – все позднее). У «Детского мира» зашла старушка, от которой только и ожидаешь услышать про джип в Москве и что-то там в Амстердаме. В автобусе почти никого. «Детского мира», правда, тоже лет двадцать как нет. Бабушка целеустремленно дочапала до меня и приземлилась рядом. От нее не очень приятно пахло, как от всех старух в общественном транспорте, из всего многообразия попутчиков выбирающих тебя.

Я живу почти на конечной. Как правило, до площади Громова никто не доезжает, и я спокойно

спрыгиваю на импровизированную остановку – залитый на песке бетонный прямоугольник, перебегаю дорогу и пилю еще минут пять до дома.

Каково же было мое удивление, когда эта старушечка начала корячиться, чтобы вылезти на моей остановке. А потом еще затребовала помочь ей дотащить сумку до квартиры, а то сил уже нет с этим пенсионным фондом, Господи, будь они прокляты, воруют и воруют, все наесться никак не могут, тьфу!

Я человек простой. Просит бабуля помочь – помогаю. Всю дорогу она рассказывала обыкновенные пенсионерские вещи, про сына, который забыл, про подорожавшие лекарства, про акции во всех локальных продуктовых. Большую часть реплик я слушал молча. Иногда кивал, иногда многозначительно тянул: «Эх. Да-а-а...»

Сумка у нее правда тяжеловата. Иногда диву даешься, куда все эти старухи катят по утрам в транспорте? Куда им всем надо в час пик? Нет бы дома сидеть, есть беззубым ртом вареную курицу и смотреть Галкина по Первому. Или чего там они смотрят?

- Так мы летописца искали. Теперь не будем.

– Чего?

Сначала я подумал, что мне послышалось. От неожиданности даже остановился.

- Что, простите?

- О, мы пришли! Вот мой подъезд. Подымешь сумку, сынок?

Подъезд соседний с моим. Классика. Больше всего в жизни обожаю совпадения.

Коридор квартиры напомнил мне тот, по которому ты в семнадцать лет в три ночи пробираешься на улицу кутить мимо спящих родителей. Еще и завален откровенным бараклом. Похоже, в квартире никто не живет. Или старушке просто лень убирать. Хотя обычно старушкам никогда не лень убирать...

- Проходи в кухню, чайку налью за помощь!

Как мне вредит моя деликатность! Она исковеркала мне... Впрочем, от чая вряд ли будет хуже.

В кухне под тусклым светом какой-то простецкой советской люстры сидел дед.

- Здравствуйте. – Я немного стусебался. Бабушка вроде не говорила, что у нее есть дед.

- Привет. А я тебя как раз давно жду.

- В плане?

Я слегка попятился и уперся во что-то. В голове: пистолет, направленный мне в спину, семья пенсионеров-рецидивистов, месть за процентщицу. Обернулся – нет, всего-навсего чуть не опрокинул поднос с сервизными чашками из, вероятно, полупрозрачного серванта.

– Садись, родной, обо всем по порядку. – Дедушка указал рукой на табуретку у батареи.

Только сейчас я заметил, что стол завален как будто рукописями – листами, исчерканными символами, похожими на русские буквы. Только не русские. Сложно.

Я сел. Бабушка с улыбкой поставила передо мной чашку и блюдце с плюшками. А еще коробку классического рафинада. Помню, в детстве очень любил кусковой сахар. Сидели с дедом в беседке, он заваривал чай с мятой...

– Мелиссой и лимонником. Сахар макай и откусывай – будет очень вкусно!

Старик смотрел мне в глаза и улыбался. Он очень напоминал Дмитрия Лихачева: такие же седые волосы, советский пиджак, размеренная речь. Словесник, вероятно.

– Знаешь, дружок, мне про тебя Онуфрий Семеныч рассказал. Я тогда не поверил. А ты, оказывается, и правда такой, каким тогда ему показался.

– Кто рассказал?..

– А! Ты настолько не осведомлен. Онуфрий Семеныч – наш участковый водяной.

Старик все еще смотрел мне в глаза и улыбался. Я поперхнулся.

– Так. Добро. Меня лет пятьдесят назад тоже позвал на кухню, как я думал, спятивший дед и начал гнать пургу. А это же Союз еще был – сам понимаешь, что угодно на кухне страшно говорить. Особенно такое. Но теперь вроде можно. Максимум пальцем у виска покрутят.

Я молчал. Действительно, если выбирать между пальцем у виска и расстрелом, первое симпатичнее. Старушка подседа к нам, подперла ладонью подбородок и стала следить за беседой.

– В общем, дружок, приятно познакомиться. Я – летописец. В отличие от человечников, мы, летописцы, смертные. И мое время подходит к концу.

– В отличие от кого?

– А! Ты настолько не осведомлен... Смотри. Часто ты встречаешь внезапно разговорчивых людей на улицах?

– Ну, бывает.

– А очень прилипчивых?

– И это случается.

– Это не люди, дружок. Это человечники. Назвали их так потому, что проверяют обычный люд на человечность. Кто как – кто-то давит на жалость и просит милостыню, кто-то хамит, кто-то просто докучает. Суть одна – этих людей не очень любят и считают за... Как бы сказать?

– За юродивых нас считают. – Старушка впервые вступила в беседу.

– Спасибо, Клавдия Владимировна. Да, за юродивых, ненормальных, убогих. И другие синонимы. Суть в том, что эти люди были и есть. Хотя быть им осталось недолго.

– Ну, мы еще посмотрим, кому недолго. – Клавдия Владимировна улыбнулась как человек, который знает несколько больше обывателя.

– Об этом немного позже. Смотри. – Лихачев указал на хаотичные листы. – Это летопись. Здесь все, от Рюрика до Путина, как менялись русские люди. Все их встречи с человечниками. Их писали многие, в том числе и я. А теперь предстоит тебе. Потому что ты – следующий летописец. Челюсть моя уже лежала где-то на уровне плюшек.

– А почему я...

– А этого никто не знает. Разве что, говорят, ты неплохой художник. Но сколько я ни вчитывался в листы, ответа не нашел. Видимо, летописцев выбирают где-то там, где наши бумажные записи потом примут в качестве отчета. В общем, сейчас не об этом. Ты – не просто следующий летописец, а последний. У каждой истории должен быть конец. История человечников закончится либо тем, что люди пройдут проверку, и тогда все докучающие элементы навсегда исчезнут. Либо тем, что люди ни с чем, как обычно, не справятся и исчезнут сами. Пока непонятно. Единственное, тебе придется дописать эту летопись.

– А как?

– А это я тебе расскажу в следующий раз. Запомнил квартиру мою?

– Да...

– Жду завтра в семь.

Я моргнул и очнулся прямо у дверей своей квартиры. Жаль, не успел спросить, почему в семь – есть ли у него график работы и перерывы на обед. Хотя, может, так шутить не стоило бы – вроде дед нормальный.

Не знаю, почему, но на следующий день я пришел туда. Возможно, юношеская тяга к приключениям. Я ходил в эту нехорошую квартиру (жаль, живу я не на Садовой, а на Лесной) целый месяц. Почти каждый день.

Старичок рассказывал мне о видах человечников – попрошайках в электричках, алкоголиках, которым не хватает на проезд, старушках в очереди и многих-многих других. И уверял, что все это существа еще из Древней Руси. Там их называли и кикиморами, и вольными, и домовыми, и как только нет. А сейчас, простите, двадцать первый век. Приходится оптимизироваться.

поле, скопление людей, поднявших головы к небу, и огонь.

Раньше мне казалось, что это всего-навсего метафоры, образы. Но сейчас я писал о том, что слова предыдущего летописца (или, может, это более древнее пророчество?) начали сбываться:

«ї загорелись пола в мѣсацѣ апреле. Конецъ пѣхдодилъ всеи исторїи человечниковъ. Соидеть тотъ огонь либо на люди не прошедшихъ испытанїе либо на тѣхъ кто ихъ истадалъ. ї оустановитса покой».

На полях я снова набросал миниатюры. Всех, кого вспомнил: от водяного до Варвары Ярославны. Всех тех, кого обычно люди ненавидят. А я люблю.

* * *

Мы вышли где-то за полчаса. Идти недалеко, но Умирыч с Умилычем не особо шустрые. А я решил идти вместе с ними. Все-таки провожаю стариков в самую важную для них дорогу.

Город спал. Душный апрельский день переходил в теплый апрельский вечер. На мне, кажется, была футболка, спортивки и рюкзак на плече. В рюкзаке – летопись. Если что, буду с ходу фиксировать последние события.

Умирыч с Умилычем стучали тросточками по асфальту, покрытому трещинами. Казалось, что трещины остаются как раз после ударов, но я уж и начал забывать, кажется, что неровности дорог у нас явно постарше любой летописи.

На небе ярко светила луна. Вскоре между последними городскими домами – понастроенными недавно высотками – показалось поле. Никаких вулканов или пожаров. Так, немного дымило. Запах женой травы слышался издали, да и дымок плавно стелился по дороге, от поля ведущей.

Когда мы добрались до поля, на западе явилась большая звезда в виде копыя. Человечники – небольшая кучка, наши локальные уполномоченные по добрым делам, – стояли и смотрели на эту звезду. И, кажется, все восприняли ее как знак. Только никто не мог понять, чего именно знак.

Кучка юродивых, презираемых и ненавидимых казалась еще меньше под черными сводами звездного неба. Мне их искренне жаль. Тяжелый труд – нести благо другим, когда берешь удар на себя. Еще больнее от мысли, что мне придется расстаться с ними. Или, может, если люди все же не пройдут проверку, и сам я исчезну? И все мои близкие?..

– Слушай, – Умирыч глядел в небо и заговорщическим шепотом спрашивал Умилыча: – А как ты думаешь, чем все кончится?

– Да кто же знает. Так выходит, что у Концов Света нет каких-либо индикаторов. В истории же вообще редко кто-то бежит с табличкой, мол, «началась Смута» или «начался Конец Всего».

– У меня было достаточно времени, чтобы понять это.

– Тем более. Разве на фоне веков лишние пять минут что-то значат?

Все замолчали. Двенадцать. Ничего не происходило – лишь где-то во дворах лаяла сигнализация.

– Летописец, а как оно все должно пройти?

Если бы я знал. Конечно, хороший прогнозист делает выводы о будущем на основе прошлого и настоящего, но такое ведь нельзя прогнозировать. Нужно пророчествовать. А я скорее бюрократ в этой системе вселенских проволочек.

– А вы чего тут?

За моей спиной раздался детский голос. Обернулся. Мальчик тер сонные глаза и глядел на наше сборище. Пара десятков человек в ночном поле.

– А мы на звезды смотрим, – сказал Умирыч. – Хочешь с нами?

– Хочу!

Погибе Луна и бысть яко месяц. Затмение. Но все стояли и смотрели. Никто не исчез и не растворился. Паренек тоже, не отрываясь, глядел на небо.

– Вы давно тут? – дернул он за рукав Умирыча.

– С самого начала, – улыбнулся тот.

Под звездным небом всегда хочется говорить о чем-то высоком, особенно зная, что в такие моменты слова всегда ценятся сильнее. Потому что важные. Потому что, вероятно, последние.

– А что было в начале? – вмешался я.

Мальчик поглядел на меня круглыми от изумления глазами.

– Бабушка говорила, что в начале было слово.

Умирыч улыбнулся еще сильнее и по-дедовски потрепал паренька по белокурой голове.

– Слышал, летописец? Все зависит от тебя. В начале было слово, так что и в конце должно быть слово.

Я пожал плечами.

– Да нет, Умирыч. Все проще. Выбор дается до последнего.

Я показал пальцем на горизонт. Туда, где недавно явилась звезда и где сейчас заканчивалось лунное затмение:

– Последнее слово просто еще не сказано.